

Барбара Картленд

Нежданное счастье

*Все персонажи и ситуации в книге
вымышленные и никак не связаны
с реальными людьми или событиями*

Титания пребывала в отчаянии.

На следующий день король не появился, дабы, по своему обыкновению, отправиться с ней на верховую прогулку, поэтому пришлось довольствоваться обществом Дария. Она не решилась расспросить шталмейстера, почему в семь часов утра короля не оказалось на месте.

Под седлом у нее шла горячая норовистая лошадь, на которой она не ездила прежде, так что вскоре она начала получать удовольствие от прогулки, но все-таки это было совсем не то, чем когда она каталась вместе с королем.

После полудня, когда Софи удалилась по своим делам, Дарий пригласил ее в библиотеку, где в этот час никого не было.

Титания выбрала для себя несколько книг, решив, что они развлекут ее, но почему-то мыслями она то и дело возвращалась к королю.

Она задавалась одним и тем же вопросом — как она ухитрилась обидеть его?

На следующий день все повторилось, и вечером она вынуждена была признаться себе, что ужасно скучает по королю.

Лишь ценой невероятных усилий ей удалось удержаться от слез.

«Я хочу быть рядом с ним, я хочу разговаривать с ним, — твердила она себе. — Я могу вспомнить очень многое, что, без сомнения, поможет ему в работе над книгой».

Но темнота не внимала ее мольбам.

Король же будто исчез без следа!

«Розовая серия» Барбары Картленд

Барбара Картленд была необычайно плодовитой писательницей — автором бесчисленных бестселлеров. В общей сложности она написала 723 книги, совокупный тираж которых составил более миллиарда экземпляров. Ее книги переведены на 36 языков народов мира.

Кроме романов, ее перу принадлежат несколько биографий исторических личностей, шесть автобиографий, ряд театральных пьес, книги, которые содержат советы, относящиеся к жизненным ситуациям, любви, витаминам и

кулинарии. Она была также политическим обозревателем на радио и телевидении.

Первую книгу под названием «Ажурная пила» Барбара Картленд написала в возрасте двадцати одного года. Книга сразу стала бестселлером, переведенным на шесть языков. Барбара Картленд писала семьдесят шесть лет, почти до конца своей жизни. Ее романы пользовались необычайной популярностью в Соединенных Штатах. В 1976 году они заняли первое и второе места в списке бестселлеров Б. Далтона. Такого успеха не знал никто ни до нее, ни после.

Она часто попадала в Книгу рекордов Гиннесса, создавая за год больше книг, чем кто-либо из ее современников. Когда однажды издатели попросили ее писать больше романов, она увеличила их число с десяти до двадцати, а то и более, в год. Ей тогда было семьдесят семь лет.

Барбара Картленд творила в таком темпе в течение последующих двадцати лет. Последнюю книгу она написала, когда ей было девяносто семь. В конце концов издатели перестали поспевать за ее феноменальной производительностью, и после смерти писательницы осталось сто шестьдесят неизданных книг.

Барбара Картленд стала легендой еще при жизни, и миллионы поклонников во всем мире продолжают зачитываться ее чудесными романами.

Моральная чистота и высокие душевные качества героинь этих романов, доблесть и красота мужчин и прежде всего непоколебимая вера писательницы в силу любви — вот за что любят Барбару Картленд ее читатели.

Каждый из нас может испытать счастье и радость любви, как король, так и последний бедняк.

Барбара Картленд

Глава первая

1888 год

Герцог Старбрук завершил молитву, и слуги один за другим вышли из столовой.

После того как они удалились, члены семейства расселись за столом, где их уже ждал завтрак, а дворецкий и двое лакеев принялись прислуживать им.

Вдруг дверь отворилась, и порог комнаты боязливо переступила молодая девушка.

Она была невысокого роста, стройная и очень красивая, но сейчас на лице у нее были написаны тревога и страх.

Подойдя к герцогу, она наклонилась, чтобы поцеловать его в щеку.

— Почему тебя не было на молитве, Титания? — резко спросил он.

— Прошу прощения, дядя Эдвард, но меня задержали, когда я возвращалась с верховой прогулки.

— Задержали? — подала голос герцогиня Старбрук с другого конца стола. — Очень подходящее слово, чтобы скрыть за ним свое легкомыслие и беспечность в обращении со временем.

— Мне очень жаль, тетя Луиза, — пролепетала Титания.

— Еще бы тебе не сожалеть, — отозвалась герцогиня. — Еще одна такая выходка, и я вынуждена буду просить твоего дядю запретить тебе конные прогулки по утрам. В любом случае это лишь напрасная трата времени.

Титания испуганно ахнула.

Впрочем, садясь за стол, чтобы приступить к завтраку, она в глубине души сознавала, что сама во всем виновата.

Утро выдалось поистине великолепное. Она так быстро мчалась по лесам и перелескам, которые так любила, что забыла обо всем и даже на миг почувствовала себя счастливой.

Вскоре она оказалась на берегу лесного озера, которое было ее излюбленным местом, потому что она верила, что в нем живут русалки.

И только там Титания сообразила, что совершенно утратила счет времени. А ведь если она опоздает к молитве, ее ждут большие неприятности.

Поэтому она пришпорила Меркурия, торопясь вернуться как можно скорее.

Но, несмотря на все ее старания, переодевшись и сбежав вниз, она увидела, что двери столовой уже закрыты.

До нее донесся раскатистый и звучный, как иерихонская труба, голос дяди, читающего молитву, на что все те, кто слушал его, откликались уважительным «аминь».

И только когда из столовой начали один за другим выходить слуги, она прошмыгнула внутрь, сознавая, что сама навлекла на себя беду.

Однако, к ее невероятному облегчению, обошлось без долгих нотаций, которые ей непременно пришлось бы выслушать при обычных обстоятельствах.

Герцог, пребывая в необычайно благодушном расположении духа, занимался письмами, каковые, по обыкновению, были сложены рядом с его тарелкой после того, как их вскрыл и просмотрел секретарь.

Со счетами на оплату и просьбами о вспомоществовании вполне успешно разбирались в конторе, тогда как внимания герцога удостоивались исключительно приватные послания. Одно из них, вскрытое первым, он сейчас и читал со слабой улыбкой на тонких губах.

С другого конца стола на него с неммым вопросом поглядывала герцогиня, но она была слишком умна, чтобы расспрашивать о содержимом письма прежде, чем он сам будет готов рассказать ей о нем.

Прямо напротив Титании, по правую руку от отца, сидела ее кузина леди Софи Брук, которая только что, к полному своему удовольствию, провела первый сезон¹ в Лондоне и, вне всякого сомнения, стала одной из самых выдающихся *debutantes*² этого года.

¹ Лондонские сезоны — время года, когда семьи английских аристократов возвращались в Лондон после осенне-зимних каникул и принимали участие в парламентских заседаниях и светских мероприятиях с февраля по август. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

² Debutante (*франц.*) — девушка, впервые выходящая в свет.

Герцог дал пышный бал в ее честь, а немного погодя намеревался устроить еще один, но уже в собственном поместье, Старбрук-холле.

На него будут приглашены все мало-мальски важные соседи, и Титания задавалась вопросом, дозволено ли ей будет побывать на нем.

На первый бал в Лондоне ее не взяли под тем предлогом, что она до сих пор носит траур по своим отцу и матери. Это было не совсем правдой, поскольку год, который обычно положен в подобных случаях, закончился уже три недели тому.

Титания была достаточно сообразительной, чтобы догадаться: дядя вовсе не желал, чтобы она появилась на балу в Лондоне.

И дело было не только в том, что он стыдился ее матери, но и в том, что сама она была куда красивее своей кузины.

Ни самомнение, ни тщеславие были Титании решительно не свойственны, хотя девушка отдавала себе отчет в том, что очень похожа на свою мать. И хотя семейство Старбруков повело себя чрезвычайно грубо и невежливо с ее отцом, лордом Рупертом Бруком, все остальные восхищались красотой ее матери.

Они прекрасно понимали, почему лорд Руперт влюбился в нее.

А герцог Старбрук во всем пошел в своего отца.

Пятый герцог был решительно настроен сохранить голубую кровь Старбруков незамутненной, каковой она оставалась на протяжении двух последних веков, и потому заключил договоренность о том, что сын его женится на принцессе Луизе Хьюдельбергской.

Княжество это было не то чтобы очень уж известным и значительным, но правящее семейство состояло в дальнем родстве с королевой Викторией³, и никто не посмел бы утверждать, что принцесса Луиза не годится в жены следующему герцогу.

К несчастью, второй сын, лорд Руперт Брук, расстроил отцовские планы.

Вопреки всему он женился на простолюдинке.

Однажды он отправился в Шотландию, дабы половить лосося, и остановился у старого друга, в поместье которого неизменно наслаждался свободой, каковой ему крайне недоставало дома.

³ Виктория (1819–1901) — королева Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии с 20 июня 1837 года и до смерти. Викторианская эпоха стала периодом наибольшего расцвета Британской империи.

Если ему хотелось прокатиться верхом, он садился на коня, и никто не поднимал из-за этого шума. Равным образом, если ему приходила блажь отправиться на рыбалку, он попросту выходил из замка и спускался к реке.

И помощникам рыболова или слугам было вовсе не обязательно сопровождать его, если только он сам не просил их об этом.

В общем, так уж получилось, что лорд Руперт предпочитал одиночество, особенно в Шотландии, где он отдыхал душой и телом после помпезности и излишней формальности, царивших в его собственном доме, как, впрочем, и в большинстве роскошных фамильных особняков, в которых ему доводилось бывать как гостю.

— Останавливаясь у меня, ты волен поступать и вести себя так, как тебе заблагорассудится, Руперт, — говорил ему друг.

Лорду Руперту частенько приходила в голову мысль о том, что это были единственные каникулы в году, когда он мог оставаться самим собой и получать от этого удовольствие.

Его приятель, глава родовитого клана, был человеком несколько необычным, поскольку родился в Шотландии и в людях разбирался куда лучше любого англичанина.

В тот год, когда лорд Руперт приехал к нему с визитом в очередной раз, других гостей в замке не

оказалось, и они с лэрдом⁴ проводили вечера за обсуждением тем, которые занимали обоих, как всегда бывало и в Оксфорде, где они учились вместе.

На следующее утро лорд Руперт в одиночестве отправился на реку ловить лосося. С собой он прихватил удочку и сачок, которым вываживал рыбу из реки и в котором намеревался отнести улов домой.

Он уже поймал двух лососей, как вдруг, к его невероятному изумлению, ему на крючок попалась по-настоящему крупная рыба.

Она была больше любого лосося, которых ему доводилось видеть в реке, и он твердо решил не упустить ее. Он принялся вываживать ее, осторожно, но настойчиво, понимая, что она слишком тяжела и может запросто порвать леску.

Лосось заплыл в реку прямо из моря и потому сражался как лев, дабы вновь обрести свободу.

Битва была грозной, но лорд Руперт получал от нее несказанное удовольствие, намереваясь отнести домой свой большой улов и предъявить в качестве трофея, что сулило ему несомненные поздравления и дифирамбы.

⁴ Лэрд — шотландский землевладелец, помещик.

Огромная рыбина металась и выпрыгивала из воды, и лорд Руперт понемногу травил леску, все больше опасаясь, что лосось сорвется с крючка и уплывет.

Ему нужно было каким-то образом вытащить его из воды, поскольку сачок, который он взял с собой, был слишком мал, а принесенную острогу он по глупости оставил на берегу.

И вот, к своему облегчению, он вдруг заметил, что за ним наблюдают.

По тропе к реке, к тому месту, где он стоял, спускалась молодая женщина. Он не мог хорошенько рассмотреть ее, но беглый взгляд, брошенный в ту сторону, подсказал ему, что она остановилась у него за спиной.

Вместо этого он возвысил голос:

— Вы не могли бы помочь мне, сударыня?

— Да, разумеется, — отозвалась молодая женщина.

— Где-то на берегу лежит моя острога.

— Да, вижу.

Теперь, когда он заручился посторонней помощью, поимка лосося стала делом нескольких минут.

Девушка ловко ударила рыбину острой и передала ее ему, поскольку добыча была слишком тяжела для нее.

Лосось оказался настоящим гигантом, никак не меньше двадцати фунтов. Лорд Руперт был уверен, что его приятель придет в восторг, поскольку такие рыбыны в этой части реки были настоящей редкостью.

Лишь потом он перевел взгляд на девушку, которая помогала ему, и был поражен в самое сердце.

Ему улыбалась, поздравляя с успешной добычей, самая красивая женщина на земле, которую он когда-либо видел.

Красота ее отличалась от той, которую лорд Руперт привык видеть у женщин, с коими судьба сводила его в Лондоне.

Мужчиной он был весьма привлекательным, да еще и сыном герцога, и потому его без конца приглашали на балы и вечеринки, равно как и на все званые ужины при свечах, устраиваемые в Мэйфэйр⁵.

Но среди всех женщин, за которыми волочился он сам или которые преследовали его, лорд еще не встречал такой красавицы.

Впрочем, ему было бы трудно объяснить, чем она так уж отличается от прочих.

⁵ Мэйфэйр — фешенебельный район Лондона.

Ее личико в форме сердечка было очень юным и невинным.

Во взгляде ее огромных серых глаз, казалось, распахнувшихся на пол-лица, не было и тени флирта или кокетства. Напротив, в них таилось какое-то волшебство.

При этом она выглядела так, словно принадлежит реке и вересковым пустошам, а не тому миру, в котором жил он.

Одета она была опрятно и безыскусно, но лорд Руперт заметил, что в ее волосах, выбившихся из-под шляпки, проскальзывает рыжинка, и уверился в том, что в ее жилах течет шотландская кровь.

Тем не менее он еще не встречал шотландки, похожей на нее, и потому задался вопросом, уж не привиделась ли она ему.

Много позже, лишь узнав ее, он понял, что она была частью той мечты, что всегда жила в его сердце, но которую он уже отчаялся встретить в действительности.

Словом, лорд Руперт во все глаза смотрел на Иону, а Иона смотрела на него.

Между ними протянулась какая-то ниточка, установилась связь, которую нельзя было выразить словами или объяснить.

Они просто влюбились друг в друга с первого взгляда.

Лорд Руперт наотрез отказался подумать, о чем умолял его отец, и отложить день их свадьбы.

Они с Ионой обрели друг друга, и более ничто в мире не имело для них значения.

Отец лорда Руперта, старый герцог, пришел в ярость, хотя и признавал, что Иона — леди, а ее отец — уважаемый глава небольшого клана.

— Но они, — в бешенстве орал он на сына, — все равно недостаточно хороши для Старбруков!

Весьма сомнительно, впрочем, что лорд Руперт слышал или понимал то, что ему говорили, поскольку потерял голову от любви и лишь считал дни, оставшиеся до свадьбы с Ионой.

Он оказал собственному семейству должное уважение, пригласив ее вместе с ее родителями в Старбрук-холл еще до свадьбы.

Он вел себя как настоящий джентльмен, и старый герцог проявил вежливость по отношению к отцу и матери Ионы, но, оставшись с сыном наедине, вновь накричал на него.

— Хорошо-хорошо, она красива, не стану оспаривать очевидное! — бушевал герцог. — Но на протяжении вот уже многих веков Бруки женились на равных себе, а, что бы ты ни говорил, эта женщина тебе не ровня.

Когда Иона с родителями возвращались в Шотландию, лорд Руперт отправился вместе с

ними, и они скромно обвенчались в церкви Кирка, где была крещена Иона.

Во время свадебного путешествия лорд Руперт сначала повез супругу в Париж, а уже оттуда — в Венецию, Афины и Каир. Он хотел, чтобы она повидала мир, и надеялся, что эта поездка развлечет ее так же, как неизменно очаровывала его самого.

Она наслаждалась каждым мгновением их медового месяца и всем, что им довелось повидать, с той же непосредственностью, с какой любила его.

Они настолько хорошо подходили друг другу, что инстинктивно понимали, о чем думает или чего хочет каждый.

Вскоре у них родилась Титания. Лорд Руперт и его жена обожали свою маленькую дочурку, и его нисколько не волновало, что Иона может более никогда не иметь детей.

В доме царили любовь и радость, поскольку родители были совершенно счастливы и души не чаяли в своем единственном ребенке.

Титания путешествовала вместе с ними и ночевала в странных местах. Иногда — в палатке или на спине верблюда.

Временами она сворачивалась в калачик между отцом и матерью прямо на открытом воздухе, когда они путешествовали по незнакомой

местности и не могли найти подходящего места для ночлега.

Это был опыт такого рода, который привел бы в восторг большинство мальчишек, но девочки его отнюдь не приветствовали бы.

Но Титания от всего сердца наслаждалась каждой минутой, и для нее мир, состоявший из отца и матери, заключал в себе лишь любовь и безмерное счастье.

Потом лорд Руперт с супругой трагически погибли в железнодорожной катастрофе, возвращаясь домой после короткой поездки в Уэльс.

Для Титании это означало конец прежней жизни.

Так получилось, что за одну ночь она перестала быть ребенком: ее родители погибли, и она как будто сразу стала взрослой, столкнувшись со всеми неприятностями и бедами, ожидающими тех, кому пришлось взрослеть слишком быстро.

После похорон дядя приказал Титании собирать вещи.

— Ты будешь жить со мной в Старбрук-холле, — распорядился он.

Она пыталась уговорить его позволить ей остаться в доме, где родилась и выросла, ведь она была так счастлива здесь с отцом и матерью, но он коротко бросил ей, что это невозможно.

Впоследствии ей сообщили, что дом будет продан со всем его содержимым, причем девушке не разрешили оставить на память даже какой-нибудь маленький предмет обстановки, которую она так любила.

Лишь благодаря няне ей удалось сохранить кое-что из украшений и безделушек, коими так гордилась ее мать, и Титания спрятала их подальше от глаз дяди.

Собственно говоря, с собой в Старбрук-холл герцог позволил ей взять лишь няню, которая присматривала за ней с самого рождения — герцог неохотно проворчал, что она может стать горничной Титании, — и жеребца Меркурия, которого отец подарил ей годом ранее. Именно Меркурий вернул ее к жизни, поскольку теперь она могла ездить верхом по утрам.

Причина, по которой она была крайне несчастлива в Старбрук-холле, заключалась, мягко говоря, в моральной жестокости.

Ее родители были мертвы, но окружающие считали себя вправе постоянно тем или иным способом указывать ей на то, как дурно поступил ее отец, заключив столь невыгодный и недостойный его брак. В результате которого на свет появилась и она сама.

Нет, разумеется, они не говорили ей об этом прямо в лицо.

Но это явственно ощущалось в том, как они смотрели на нее, и в тоне голоса тетки, когда она разговаривала с ней.

Леди Софи была на год старше Титании и вскоре узнала, сколь умело кузина сооружает прическу и как чудесно вышивает гладью.

После этого Титания фактически превратилась в горничную на добровольных — и безвозмездных — началах.

Поначалу все было вполне невинно: «Титания, уложи мне волосы»; «Титания, почини эти кружева»; «Титания, принеси мою сумочку».

Титания оказалась куда расторопнее и способнее кого-либо из тех, кто ухаживал за Софи, и потому ее услуги требовались буквально ежечасно.

И лишь ранним утром она могла улизнуть и отправиться кататься на Меркурии, поскольку ее кузина любила спать допоздна.

Поскольку дядя полагал ее ничтожеством, сопровождения грума ей не требовалось.

Частенько Титания выбивалась из сил в попытках выполнить все требования Софи, но при этом у нее были и свои мгновения счастья.

Помимо езды верхом на Меркурии, она обнаружила в особняке библиотеку, в которой оказались и книги, составлявшие предмет гордости

ее отца, но которые ей не позволили оставить себе, когда их дом был продан.

Кроме того, здесь было и множество других сочинений, которые отец читал еще в молодости, а потом цитировал дочери по памяти, когда они затевали одну из своих поучительных дискуссий.

Точно так же, как лорд Руперт разговаривал со своим другом-шотландцем, а потом и с Ионой, он разговаривал и со своей дочерью.

Он научил ее многому из того, что было не под силу любой горничной или гувернантке, а книги, которые она штудировала сначала в библиотеке отца, а потом и дяди, довершили ее образование.

Лорд Руперт в совершенстве владел многими языками, поскольку любил странствовать по свету.

Ему доставляло удовольствие разговаривать с маленькой Титанией по-французски, а потом и обучать ее правильному произношению, заставляя повторять слова за ним.

Точно так же дело обстояло и с другими наречиями, и, став старше, она обнаружила, что отцовская библиотека содержит великое множество книг на разных языках. Поскольку девушкой она была умной и сообразительной, то заставила себя прочесть их и попытаться понять, как поступила и ее мать, когда обнаружила, в чем заключаются

интересы супруга, и решила во что бы то ни стало разделить их.

Крайне не нравилось ей в Старбрук-холле и то, что ни сама герцогиня, ни ее дочь никогда не говорили о чем-либо ином, кроме последних сплетен или газетных заметок об увеселительных мероприятиях в Лондоне.

Титания частенько думала, что если бы она не могла взять с собой в постель одну из книг из библиотеки, чтобы почитать ее перед сном, то, наверное, уже повредила бы рассудком от скуки.

Никто из членов семейства даже не подозревал, что она читает книги, которые наверняка понравились бы ее отцу, но которые, несомненно, были бы сочтены ненужными и непонятными любой другой молодой женщиной.

И в то же время она была одинока.

Только Меркурий мог слушать ее восторги по поводу того или иного исторического события, о котором она узнала минувшей ночью, или очередной древнегреческой поэмы, обнаруженной ею совершенно случайно и до сих пор всплывавшей в памяти, так что она полагала себя обязанной продекламировать ему отрывки из нее.

И вот, покончив с завтраком, Титания решила: ей необычайно повезло, что никто не стал сердито бранить ее за то, что она опоздала на молитву, хотя слова тетки жгли ее как огнем.

Дядя же ее обычно полагал непунктуальность смертным грехом.

Однако, упрекнув ее сегодня утром, он принялся читать письмо, лежавшее первым в стопке корреспонденции, и потому, очевидно, ему было более нечего сказать ей.

Она уже подумывала о том, как бы улизнуть из-за стола незамеченной, когда герцог провозгласил:

— Я должен сообщить вам кое-что такое, что, по моему мнению, удивит и обрадует всех вас.

— Как интригующе, — пробормотала герцогиня.

При этих словах она взглянула на свою дочь, и Софи, которая явно думала о чем-то своем, тут же повернула голову к отцу.

Титания поняла, что в данный момент выйти из комнаты ей не удастся, и потому застыла в ожидании новостей, которые намеревался поведать им герцог.

— Я только что получил, — начал он, вновь водружая на нос очки, — письмо из Велидоса^б, каковое, как мне представляется, чрезвычайно заинтересует всех вас.

Титания тут же вспомнила, как месяц тому кронпринц Фридрих Велидосский останавливался у них в ходе своего визита в Лондон, где, очевидно, и свел знакомство с ее дядей, тетей и Софи.

Сама она, правда, сочла его ничем не примечательным и довольно скучным молодым человеком. Кроме того, было в нем и еще кое-что, что вызывало у нее откровенную неприязнь.

Титания, правда, затруднилась бы объяснить, в чем именно это «кое-что» выражалось, но от матери она унаследовала способность разбираться в людях и потому редко ошибалась, оценивая того или иного мужчину или женщину, с коими сводила ее судьба.

Словом, принц Фридрих ничуть ее не заинтересовал, и, вместо того чтобы расшаркиваться перед ним, она предпочитала попросту избегать его.

— Разумеется, мы все помним кронпринца, — заметила герцогиня. — Очаровательный молодой

^б Велидос — вымышленная страна на Балканах.

человек, к тому же обладающий приятными манерами, коих недостает многим англичанам.

Подобные ремарки были вполне в ее духе, особенно когда она сравнивала англичан со своими соотечественниками, причем последние, по ее словам, обладали всеми мыслимыми и немыслимыми талантами.

— И вот передо мной лежит письмо от кронпринца, — напыщенно продолжал герцог, — в котором он просит Софи как можно скорее прибыть в Велидос, где его брат-король, к полному его удовлетворению, дал согласие на их брак.

Герцогиня восторженно ахнула, а вот Титания буквально оцепенела от изумления.

Она даже не догадывалась или же попросту пропустила мимо ушей намеки на то, что кронпринц пожелал жениться на Софи и что ее дядя приложил все силы к тому, дабы устроить этот брак.

А тот, совершенно очевидно, был весьма доволен тем, что его дочь будет принята в королевскую семью, пусть даже и не слишком известную. Кроме того, поскольку жених был кронпринцем, существовала немалая вероятность того, что когда-нибудь он и сам взойдет на трон.

Герцог явно ожидал от дочери ответа на столь радостное известие, и Софи с жеманной улыбкой пропела:

— Новости просто замечательные, папа. И как скоро мы отправимся в Велидос?

— *Ты* отправишься туда, дорогая моя, — поправил ее герцог. — Разумеется, твой будущий супруг пригласил твою мать и меня сопровождать тебя, но, боюсь, мои обязанности в Виндзорском замке не позволят мне отлучиться немедленно, чего он от меня ожидает.

Титания знала, что герцог с нетерпением ожидал своего дежурства в Виндзорском замке и что никто и ничто не в силах помешать этому.

По тем обрывкам разговоров, что долетали до нее, она заключила, что его обязанности перешли к нему по наследству и он не имел ни малейшего намерения отказываться от них или же явить небрежение в их исполнении.

— Но если вы не поедете со мной, — горестно заявила Софи, — то мне будет очень страшно одной отправиться в чужую страну, языком которой я даже не владею.

— Я сказал, что не могу поехать сам, — язвительно ответил герцог, — но твоя мать, разумеется, будет сопровождать тебя, а твой будущий супруг пишет в своем письме, что в твое распоряжение будет предоставлен кто-либо из членов кабинета⁷, равно как и две фрейлины,

⁷ Кабинет — здесь : правительство.

церемониймейстер и еще несколько членов королевского двора.

— Что ж, полагаю, все это прекрасно, но я буду скучать по вас, папа.

— И я буду скучать по тебе, дорогая моя, и очень сожалею о том, что не смогу присутствовать на твоей свадьбе, но ты должна постараться как можно скорее привезти своего супруга сюда, к нам, чтобы пострелять или поохотиться осенью, например.

Подобное предложение явно пришлось Софи по вкусу, как вдруг она устремила взгляд на другую сторону стола.

— А еще я возьму с собой Титанию, — высокомерно заявила она. — Никто не умеет так хорошо укладывать мои волосы, как она.

— Но я не могу уехать! — не раздумывая, воскликнула Титания.

— Почему это? — с раздражением спросила Софи.

— Потому что тогда мне придется расстаться с Меркурием, и к тому же я уверена, что в Велидосе и без меня хватает прекрасных парикмахерш.

— Это все глупости, — вмешалась в разговор герцогиня. — Если твоя кузина желает, чтобы ты сопровождала ее, Титания, то ты непременно

поедешь с ней и будешь считать себя счастливицей. Большинство девушек в твоём возрасте с превеликим удовольствием отправились бы за границу.

С этими словами она поднялась из-за стола, и Титания поняла, что спорить бесполезно.

Однако же сердце у нее упало. Если она покинет Англию, Меркурия и няню, которые единственные остались у нее от прежней жизни, что станет с ней в будущем?

А герцог, словно прочтя ее мысли, заявил:

— Ты отправишься вместе со своей кузиной, Титания, и, как говорит твоя тетя, должна считать, что тебе очень повезло. А когда Софи обустроится на новом месте, на что понадобится примерно полгода или год, ты вернешься обратно, и я подберу тебе подходящего мужа.

Он немного помолчал, прежде чем продолжить:

— К несчастью, едва ли им окажется какой-либо представитель знатного рода, учитывая, сколь неудачный союз заключил твой отец. Но, по крайней мере, у тебя будет то преимущество, что ты — моя племянница, а это само по себе значит очень много.

Титания тихонько вздохнула.

Она всегда опасалась, что когда-нибудь услышит от своего дяди подобные слова.

Еще когда он устраивал брак Софи и был решительно настроен выбрать ей в мужа кого-либо знатного и влиятельного, она понимала, что рано или поздно очередь дойдет и до нее.

Но при этом она не имела ни малейшего намерения отдавать свои руку и сердце тому, кого выберет для нее дядя и кого она наверняка не будет любить.

Она хорошо помнила, как ее отец повторял снова и снова:

— Я самый счастливый человек на земле, Титания, потому что женился на твоей матери, которую искренне люблю и которая любит меня. Меня не заставили жениться на какой-нибудь глупой особе, которой нужен был лишь мой титул.

При этих словах отец рассмеялся, после чего добавил:

— Твоя мать для меня — царица любви и принцесса счастья. И найдется ли на свете мужчина, коему требуется родословная древнее?

Титания улыбнулась ему и тогда же решила, что, выйдя замуж, станет такой же счастливой, как ее отец и мать.

Стоило отцу отлучиться хотя бы на денек, как мать с нетерпением ожидала его возвращения и, заслышав, как он переступает порог, бежала к нему навстречу и обнимала за шею обеими руками, притягивая его голову к себе.

— Ты вернулся! Ах, любимый... как сильно... я по тебе скучала.

В ушах Титании прозвучал голос матери, произносящей эти слова.

— И я скучал по тебе, драгоценная моя, — неизменно отвечал отец.

После этого он страстно целовал мать.

Вот это была любовь!

Вот что значит жить с тем, кого любишь ты и кто любит тебя.

Именно об этом и мечтала Титания, пусть даже ей суждено остаться старой девой до самой смерти, но она понимала, что объяснять это дяде бесполезно.

Ей придется подождать, пока он не выберет ей жениха, и тогда она проявит храбрость, настаивая на том, что не выйдет за него замуж.

При этом она прекрасно представляла себе, как разгневаается герцог и насколько неприветливо и сварливо поведет себя тетка.

Впрочем, сейчас следовало думать не об этом.

Словно повинуясь велению отца, Титания поняла, что должна сопровождать Софи, пусть даже это означало расставание с Меркурием.

И поэтому она более ничего не сказала, а лишь молча вышла вслед за теткой и Софи из комнаты. И только когда они оказались снаружи и направились к холлу, Титания ускользнула прочь.